

Философская пропедевтика в российском образовании на рубеже XIX–XX веков¹

Н. Г. Баранец

В статье описывается изменение статуса философских дисциплин в системе высшего образования в XIX веке. Анализируются проблемы, возникавшие перед представителями университетской философии в определении объема и содержания курса философской пропедевтики. Рассматриваются подходы М. И. Владиславлева и Г. Ю. Струве к организации преподавания курса философии.

Ключевые слова: философия как учебная дисциплина, государственная образовательная политика, философия образования.

Статус философии как университетской дисциплины

Судьба философских дисциплин в системе высшего образования в России во многом зависела от изменений в государственной образовательной политике. Так как философские дисциплины имеют потенциально идеологический аспект, отношение к ним менялось от благосклонно-прагматического к отрицательному. *Первый период* институализации философии как учебной дисциплины в университете – с 1725 по начало 1890-х годов – можно назвать «подготовительным». Только к концу 90-х годов XIX века сложились все компоненты, характеризующие философию как самостоятельную университетскую дисциплину. Университетская система и преподавательский корпус в XVIII веке были импортированы в Россию, поэтому, так же как в Германии, философский факультет считался для слушателей начальным «общеобязательным этапом». На философском факультете предполагалось изучать логику, метафизику, математику, физику, элоквенцию, историю, историю философии, практическую философию, этику, натуральную философию. Начавшаяся научная дисциплинарзация и эмансипация математики, астрономии, химии, физики не отразилась на специализации профессуры и не ощущалась членами университетского сообщества. Так, физика еще не вполне отделилась от метафизики, и способы умозрительной аргументации использовались в науке, а научный опыт – для решения фило-

софских проблем. «Способ познания считался универсальным для всех областей знания, как опытного, так и умозаключительного, что породило феномен энциклопедизма, выразившегося в том, что «ученый» в то время обычно был специалистом во многих областях» [1, с. 20].

Преподаватели философии не видели необходимости в специальной концептуализации предметного поля философии, так как философия считалась «синтетическим учением» и преподавалась в рамках лейбнице-вольфианской парадигмы, по преимуществу приглашенными из-за границы иностранными преподавателями или отечественными, завершившими свое образование в Германии и Англии (Д. С. Аничков, Е. Б. Старейщиков, М. М. Снегирев, А. А. Барсов).

До 1817–1820 гг. отношения с властью у философии были вполне идиллические – скорее никакие, так как закончившие за границей образование первые выпускники Московского университета вполне представляли границы дозволенного, не успели воспитать в себе еще «вкуса» к самостоятельному мышлению, и претензии на оригинальность проявлялись лишь в упражнениях в элоквенции (красноречии). Философия только институализировалась: шел процесс оформления кадрового состава, обретали свое «лицо» философские кафедры Московского, Петербургского, Дерптского, Казанского университетов, опробовалась система «испытания» на присвоение ученых степеней, концептуально оформлялись читаемые

¹ Работа поддерживалась грантами РГНФ № 11-13-73003 а/В и № 10-03-00540.of education.

философские курсы, являвшиеся компиляциями из немецкой философии. Философские дисциплины были одними из самых посещаемых курсов, так как, с одной стороны, дворяне, завершившие свое образование несколькими годами «состояния» в университете, из любопытства и желания быть в курсе модных «умственных» течений посещали их, с другой стороны, философия входила в систему подготовки гимназических учителей [2, с. 106]. В своих лекциях профессора И. Ф. Буле, А. И. Галич, П. П. Лодий, И. Б. Шад популяризировали идеи Канта, Фихте, Шеллинга.

С 1819 года политика либерализации завершилась, так как, реализуя Карлсбаденское постановление о борьбе с революционными стремлениями для оздоровления системы образования, из гимназий и университетов были исключены почти все философские курсы. Было решено, что философия «отравляет все науки» – начались гонения. М. А. Магницкий, Д. П. Рунич, З. Я. Карнеев, попечители соответственно Казанского, Петербургского, Харьковского университетов, «искореняли» дух вольнодумства. Вдохновители этого наступления были князь А. Н. Голицын и М. А. Магницкий. Последний писал: «...князь мира сего и идолопоклонством, и развращением нравов, и философию на распространение своего владычества действует». В результате их деятельности часть профессоров была либо уволена без права преподавания, либо вынуждена читать свои предметы в обличительном смысле [2, с. 44]. Университетская корпорация была деморализована, еще и не начав мыслить, коллеги подобострастно приветствовали действия попечителей. В результате ситуация с чтением курсов философии в университетах была следующей. В Московском университете с 1821 по 1850 гг. курсы не читались, так как после смерти А. М. Брянцева на кафедре философии никого не утверждали. В Петербургском университете были последовательно уволены профессора А. П. Куницын и А. И. Галич, так как их книги «О естественном праве» и «История философских систем» были признаны «противными вере и властям, установленным от Бога», а с 1825 года читали профессора М. А. Пальмин и Я. В. Толмачев, преподававшие по Баумейстеру и Карпе, то есть в рамках лейбнице-вольфианской парадигмы. В Харьковском университете вместо высланного И. Б. Шада читал «что-то» нейтральное А. И. Дудрович до 1831 года. В Казанском университете, лично инспектировавшемся Магницким в 1820 году, ориентировались на его инструкцию, в которой было отмечено, что на «лекциях философии слушатели должны удостоверяться, «что все, что не согласно с разумом св. Писания, есть заблуждение и ложь и без всякой пощады долж-

но быть отвергаемо», поэтому после увольнения Г. И. Солнцева часть курсов упразднили, и временно философию права естественного читал профессор Городчанинов, близкий Магницкому, а после 1824 года «Сергеев был переведен на кафедру философии до 1833 г., читал естественное право как применение метафизики нравов к внешним справедливым поступкам» [2, с. 106].

Очевидно, что все сделанное в начале века для укрепления статуса философии как университетской дисциплины было потеряно: число читаемых курсов сократилось, нормальной подготовки преподавателей не происходило, кафедра философии, в отличие от других обращавшая на себя пристрастное внимание власти, не привлекала магистров, предпочитавших другие кафедры. Содержательно лекции по философии, читавшиеся в духе вольфианской парадигмы, студентов не удовлетворяли и большим интересом не пользовались, в отличие от лекций естественников, которые в своих вводных курсах в разделе методологии излагали натурфилософские идеи.

С середины 30-х годов власть в лице министра просвещения С. С. Уварова изменила негативное отношение к философии на утилитарное: «каждый из профессоров должен употребить все силы, дабы сделаться достойным оружием правительства». Было решено, что философия должна стать «полезной» государству, и в программу высшего образования включили курсы по логике и психологии, истории философии. Причем эти курсы читали профессора, лично одобренные С. С. Уваровым и ревностно проводившие идею «православия, самодержавия, народности» на своих лекциях.

Определились две возможные линии чтения философских курсов (обе не предполагали самостоятельности и соответствовали одобренным программам и учебным пособиям). Первая – выражено проправительственная линия, ее занимал А. А. Фишер, «спасавший бытие философии в России жертвою ее самостоятельности». Для него цель философии – быть средством обоснования полезности религии и раскрывать «содержание нравственного сознания». Вторая, внешне политически нейтральная линия и подчеркнута содержательное, в рамках программы, чтение, – позиция М. Н. Каткова, в начале своей преподавательской карьеры – либерала (в результате на его курсах царили скука и непонимание, как вспоминал об этом будущий историк, правовед и философ Б. Н. Чичерин).

Некоторое интеллектуальное оживление, возникшее среди молодежи, показалось правительству столь опасным, что после отставки С. С. Уварова при его преемнике П. А. Ширинском-Шихматове философский фа-

культет был разделен на историко-филологический и физико-математический, кафедры философии упразднены, а лекции по психологии и логике стали читаться лицами духовного звания. Последние получили четкие инструкции о том, как следует осуществлять процесс преподавания: философия «при современном предрассудительном развитии этой науки германскими учеными» – наука вредная и бесполезная, а психология и логика должны быть «сроднены» с истинами откровения. Деканы должны наблюдать, «...чтобы в содержании программы не укрылось ничего несогласного с учением православной церкви или с образом правления и духом государственного учреждения» [3, с. 304]. Отношение государства к философии недвусмысленно сформулировал Ширинский-Шихматов: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен». Государственный контроль и цензурные ограничения вытеснили из университетов либерально настроенных преподавателей. Студенты, судя по их воспоминаниям, отрицательно относились к новым преподавателям и к их способу ведения занятий.

Устав 1863 года восстановил кафедры истории философии, логики и психологии, но система воспроизводства преподавателей была разрушена – светских преподавателей философских дисциплин не было, так как часть из «бывших» изменила специализацию на литературоведение и правоведение, часть ушла в журналистику, а часть просто ушла из жизни. Поэтому единственной возможностью занять возникшие вакансии было приглашение преподавателей философии из духовных академий.

В духовных академиях преподавание философии не вызывало подозрения со стороны власти, и в 30–60-е годы XIX века оно было значительно свободнее, чем в университете (разумеется, в рамках официального православного богословия). Это позволило сформироваться к 60-м годам XIX века талантливым и достаточно самостоятельно мыслящим преподавателям, которые были слишком самостоятельны для духовных академий и поэтому после 1863 года приняли предложения университетов занять кафедры философских дисциплин: П. Д. Юркевич, С. С. Гогоцкий (из Киевской духовной академии), архимандрит Федор (А. М. Бухарев), А. П. Владлицкий, В. А. Снегирев (из Казанской духовной академии), Ф. Ф. Сидонский (из Петербургской духовной академии). Все они придерживались теистической философской позиции и старались не выходить за рамки православной традиции, но то, что было чрезмерно в духовной академии, совершенно не воспринималось в университете, так как студенчество по преимуществу увлекалось позитивизмом и материализмом, и их лекции не пользовались по-

пулярностью. До 80-х годов лекции по философии ограничивались чтением историко-философских комментариев (по 2 лекции в неделю в течение одного года).

Второй период – с конца 80-х годов XIX века по 1917 (22) год. В это время философия становится полноценной структурной единицей университетской программы и достигает стабильного статуса. С когнитивной стороны отмечается оформление предметного поля читаемых философских дисциплин и определяется набор обязательных дисциплин (история философии, логика, психология, теория познания, метафизика), читавшихся ведущими профессорами, при этом разнообразие достигается за счет курсов приват-доцентов, связанных, как правило, с их специализацией.

Соответственно, для обеспечения курсов учебной литературой выпускались литографированные лекции, учебно-теоретические монографии, переводы европейских учебных пособий. К 1900 году сложилась практика обязательной публикации текста магистерской и докторской диссертаций перед защитой, чтобы желающие могли ознакомиться с текстом заранее. Это способствовало появлению большого количества работ по философским дисциплинам, а оживленная полемика, возникавшая на защитах, проходивших на открытых заседаниях факультета (с двумя обязательными официальными оппонентами и оппонентами из зала), на которых нередко присутствовали представители прессы, привлекла к философии пристальное внимание и в целом способствовала поднятию ее статуса.

Владиславлев и Струве о философской пропедевтике

Что и в каком объеме преподавать в университете, зависело от мнения Министерства народного просвещения, которое формировало концепции учебных программ. Представителям университета редко удавалось существенно повлиять на изменение этой концепции, но оставалась возможность расширить преподавание за счет спецкурсов. Одним из тех, кто сумел повлиять на политику министерства и улучшить положение дел, был *Михаил Иванович Владиславлев* (1840–1890). Он внес существенный вклад в восстановление и организацию преподавания философии в 60–80-е годы XIX века.

В 1861 году М. И. Владиславлев окончил Петербургскую духовную академию и в 1862 году был командирован на три года за границу для изучения философии и подготовки к профессорскому званию. В 1866 году защитил в Петербургском университете диссертацию на степень магистра и стал штатным доцентом философии университета. В 1868 году защитил докторскую диссертацию на тему

«Философия Плотина, основателя неоплатоновской философии» и был избран профессором. В 1866 и 1867 годах он опубликовал несколько статей, посвященных анализу положения философии в системе высшего образования, в которых анализировал значение философии, сравнивал сложившуюся в России практику преподавания с практикой преподавания в европейских странах.

После периода «изгнания» философии из университета необходимо было создать для вновь восстановленного предмета приемлемый в глазах высшего начальства и университетской корпорации имидж, обосновать ее целесообразность, а также подготовить почву для дальнейшего расширения курса философии и по возможности введения его не только на историко-филологическом факультете. В статье, написанной сразу после возвращения из-за границы, «Положение философии в нашей системе образования» М. И. Владиславлев задается вопросом: «...хорошо ли сделано, что в наших университетах преподавание философии ограничено только одним филологическим факультетом и что в наших гимназиях логика и психология исключены из числа общеобразовательных наук?» [4, с. 373]. И отвечает, что эта ситуация не позволяет извлечь ту пользу, которую можно получить, преподавая философские дисциплины. Юристам необходимо близкое знакомство с логикой и психологией, так как при новых судах необходимы адвокаты, а правительство озабочено получением грамотных прокуроров, а кому как не им нужно иметь «логическую голову». То основное возражение, по которому философские дисциплины не преподаются, он отвергает – логика достаточно развита, а психология хотя и занимается общими, а не индивидуальными темами, но именно это и необходимо юристу – научные психологические сведения. Кроме того, хотя в немецких университетах большинство студентов не слушает лекций философских, но это потому, что в их гимназиях изучают на весьма хорошем уровне и философию, и логику, и психологию. Несомненно, введение по новому уставу курса философии права – позитивное событие, но воспринять и прочесть такую дисциплину без предварительной подготовки, предварительного знакомства с общим курсом философии, будет невозможно.

На физико-математическом и медицинском факультетах введение логики и психологии позволит студентам познакомиться с целым кругом явлений, им совершенно незнакомых. «Почему прежде слушание лекций философии считалось обязательным для всех факультетов? Конечно, потому что эти лекции считались необходимою составною частью общего образования, о котором также должны забо-

титься университеты... Университет не есть собрание специальных школ, и факультеты никак нельзя назвать школами специалистов, потому что они вовсе не имеют исключительную целию давать обществу специалистов, а людей вообще образованных и обладающих сверх того какими-нибудь специальными сведениями, подготовленных к самостоятельной специальной работе» [4, с. 375]. Он призывает воспользоваться имеющейся автономией и изменить необходимый состав лекций.

М. И. Владиславлев задается вопросом: почему логика и психология совершенно изгнаны из гимназического курса? В системе образования эти дисциплины постоянно были наравне с математикой и классическими языками. Классические языки развивают подвижность и самостоятельность ума, привычку к труду. Математика развивает в уме стремление к основательности и точности. Логика и психология могли бы развить в молодых людях сознательность действий и стремление к логической сознательности – бесценные качества для будущего ученого и практика. В семинариях философия преподавалась почти два года, поэтому семинаристы умели связно и логически излагать свои мысли.

Во всех немецких гимназиях преподаются логика и психология, и М. И. Владиславлев ставит вопрос: «Почему бы нам не заимствовать их опыт?» Он предлагает ввести курс логики и психологии в гимназии в последних классах, а в университете соответственно читать философию изучаемых дисциплин. Мотивирует он это необходимостью учитывать специфику преподавания дисциплин, которые призваны сформировать мышление молодых людей. «Надобно еще заметить, что логика и психология преимущественно принадлежат к разряду тех наук, к которым должен быть приложен, когда они преподаются в первый раз, вопрошательный (эротематический) метод – не исключительно, но главным образом. В них нельзя идти далее, если что-нибудь не усвоено слушателями из предыдущего, а так как первые шаги в них не особенно легки, то на случаи недостаточного усвоения преподавателю следует особенно рассчитывать. В подобных случаях вопрошательный метод дает прекраснейшие средства в его руки. Но такой вопрошательный метод почти невозможен в университете, где исключительно господствует так называемое акроматическое преподавание... В гимназиях это делалось бы без особенных затруднений, и в руках опытного преподавателя логика и психология стали бы прекрасным общеобразовательным средством» [4, с. 379].

В заключение М. И. Владиславлев особо подчеркивает, что, какими бы ни были хлопоты, связанные с введением философии (пе-

рестройка системы преподавания, подготовка преподавателей), это необходимо, чтобы нигилизм и материализм, «плохие» философии, не овладевали сознанием молодежи. Именно философия «предохранит молодежь от тлетворных влияний».

Борьба между реалистами и консерваторами в министерстве растянулась на несколько десятилетий. Преподавание логики, которое было исключено в 1849 году из гимназии, возобновилось лишь под давлением философского сообщества в 1871 году, в объеме одного часа в неделю. Но этого было недостаточно, для того чтобы вполне реализовать задачи курса философской пропедевтики. Поэтому тема увеличения объема курса философской пропедевтики и того, что считать философской пропедевтикой, периодически привлекала внимание. Среди тех, кто уделял этой проблеме специальное внимание, был Г. Ю. Струве, чья позиция интересна еще и потому, что он стоял на «стыке» немецкой и русской образовательных систем, что сделало его своеобразным ретранслятором между этими традициями.

Струве Генрих Юрьевич (1840–1912) – русско-польский философ. Он учился в Иене, получил степень доктора философии (1862). Был адъюнктом, а затем – профессором Варшавской главной школы, преобразованной в 1869 году в Императорский варшавский университет. В 1870 году Струве защитил в Московском университете докторскую диссертацию на тему «Самостоятельное начало душевных явлений». Диссертация вызвала полемику на страницах печати, в которой участвовали Н. Н. Страхов, Н. П. Аксаков, С. А. Усов, П. Д. Юркевич. С 1871 по 1903 годы Струве преподавал в Варшавском университете в качестве профессора, читал лекции по истории философии, логике, психологии. Философская позиция Г. Ю. Струве определялась им самим как «идеал-реализм», созданный с целью преодолеть крайности идеализма и реализма в онтологии и гносеологии. Душевные явления ученый представлял как имеющие в своем основании физиологические процессы, но в то же время автономные, сами по себе лишены материального субстрата.

Струве много времени уделял составлению учебно-методического обеспечения читаемых курсов. Его книга «Элементарная логика. Учебник для преподавания и самообучения» к 1888 году выдержала 7 изданий. Для курса философии он написал «Энциклопедию философских наук и направлений в связи с введением в философию или философию философии». Как первая часть этого обширного труда в 1890 году было опубликовано «Введение в философию, разбор основных начал философии вообще». Эта работа Г. Ю. Струве рас-

сматривает основные начала философии вообще, задачи и содержание отдельных философских наук. Он пишет: «...она знакомит нас с настоящим состоянием философии и представляет собою, вследствие этого, необходимую подготовку к самостоятельному философствованию. Энциклопедия философских наук есть, в сущности, первая основная наука философии, ведущая к ее всестороннему уразумению, науку эту по справедливости можно назвать философией философии или философскую. Поднимаясь в основании обыденного понятия о философии, она рассматривает понятия всесторонне, исключая из них всякие противоречия, объясняет их содержание с исторической и критической точки зрения и доходит до заключений касательно существенных начал философии, ее разнородных задач, равно как и значения попыток к их разрешению... Философия, равно как и всякие вообще науки, не может начинать своих исследований *ab ovo*, но должна, прежде всего, знакомиться с установившимися в ней понятиями, взглядами, со всем прошедшим и настоящим и, подвергая критическому разбору эти данные, принять оные в основание своих дальнейших изысканий. *Это самопознание философии составляет главную задачу энциклопедии философских наук*» [5, с. 11]. Г. Ю. Струве подчеркивал необходимость появления своей энциклопедии тем, что уже сложилась практика создания таких работ в европейской традиции. Он упоминает об «Энциклопедии философских наук» Гегеля и Гербарта, о «Курсе позитивной философии» Конта, «Энциклопедии философских наук» Риттера, «Курсе философии» Дюринга. Но все эти работы, по его мнению, не представляют полного «типа философии» – в смысле особой науки, изучающей основные начала философии. Они либо разрабатывают только вопрос о методе философии и ее отношении к другим наукам (Конт, Спенсер), либо представляют собой энциклопедическое обозрение содержания отдельных философских дисциплин (Гегель, Риттер, Дюринг). Его же работа нацелена на равномерную, целостную разработку всех сторон философского знания. Г. Ю. Струве рассмотрел не только предмет, метод и характеристические черты философии, сравнил ее с другими науками, но определил ее место в ряду других наук, отметил специфические особенности философского творчества, значение философии в жизни, проанализировал специфику философского образования.

Г. Ю. Струве писал: «Философскую пропедевтику, как предмет преподавания в средних учебных заведениях, следует свести к изложению общих начал только тех наук, которые могут быть объясняемы и иллюстрированы доступным для ученика научным материа-

лом и которые могут объединить этот материал в удобопонятной форме. К таким философским наукам, по нашему убеждению принадлежат логика, психология и этика» [5, с. 378].

Для того чтобы подготовить преподавательские кадры, необходимо разработать концепцию их образования. Г. Ю. Струве полагал необходимым знакомство стипендиатов по философии с математикой, естествознанием, гуманитарными науками. Этим наукам свойственны методологические начала, имеющие большое значение для развития философского ума. Математика служит примером строгой аргументации и этим составляет самое лучшее практическое упражнение для развития формальной правильности мышления. Естествознание дает простой и удобный способ объяснить явления природы на основании законов механики. В теориях такого рода, устанавливающих причинно-следственные связи, заключается важное значение для философии, так как в них представляются удобные образцы научного объединения фактического знания. Гуманитарные науки изучают неповторимые явления, исторический ряд оригинальных фактов. «Общечеловеческий характер философии и тесная связь со всем развитием умственной жизни требует от будущего философа соответственных положительных знаний и по другим гуманитарным наукам, в особенности же по истории всеобщей культуры и цивилизации, по истории наук, искусств, религии, равно как и по общественным наукам» [5, с. 388].

Усилиями таких философов, как М. И. Владиславлев, Г. Ю. Струве, а также Н. Я. Грот, В. Н. Ивановский, Л. М. Лопатин, статус философии как дисциплины, необходимой университету, стал несомненен для членов университетской корпорации, а само философское сообщество стало вполне профессиональным. Важным индикатором степени зрелости профессии является отлаженная система «взаимообменов» между обществом, государством с одной стороны и представителями профессии – с другой. Профессиональное занятие философией, ее преподавание обеспечивало жизнь членам этой профессии. Фило-

софские дисциплины стали рассматриваться чиновниками Министерства просвещения как относящиеся к гуманитарному блоку. Студенты к концу 90-х годов также видели в философии лишь одну из университетских дисциплин и, как правило, не связывали с ней своих идеологически-интеллектуальных интересов, и она мало влияла на их общественные взгляды. На университетских кафедрах стали доминировать философы, чей профессиональный уровень, обширность знаний не уступали стандарту западноевропейского профессора философии, они в глазах студенчества «сливались» с преподавателями других наук. Философские системы этих мыслителей (кантианство А. И. Введенского, И. И. Лапшина, монистический спиритуализм Л. М. Лопатина, интуитивизм Н. О. Лосского и т. д.) и уровень концептуализирования по ним требовали от студенческой молодежи серьезных усилий для усвоения. Эти системы не соответствовали господствующим в среде студентов философским модам. Сами профессора философии стремились соответствовать профессиональному стандарту, который включал: профессионализм, выражавшийся в знании философской традиции; интеллектуальную самостоятельность; «учительство в идеале», предполагавшее умение воспитывать, приучать к идеалам науки.

1. *Артемьева Т. В.* Философия в Петербургской академии наук XVIII века. СПб. : Санкт-Петербургский Центр Истории идей, 1999.
2. *Зальский В. Ф.* К столетию Императорского Казанского университета (1804–1904) // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Кн. 11.
3. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 т. Т. 2. Ч. 2. М. : Прогресс, 1994.
4. *Владиславлев М. И.* Положение философии в нашей системе образования // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 7.
5. *Струве Г.* Энциклопедия философских наук и направлений с введением в философию. Варшава, 1890.

Philosophical Propaedeutics in Russian Education at the Turn of XIX–XX Centuries

N. G. Baranets

The article describes the change of the status of philosophical disciplines in system of the higher education in the XIX century. The author analyses the problems in scoping and academic content of philosophical propaedeutics which the representatives of university philosophy faced. M. I. Vladislavlev and G. Yu. Struve's approaches to the organization of teaching of philosophy are considered.

Keywords: philosophy as an academic discipline, state educational policy, philosophy of education.